

**Сергей
Александрович
СПОЛОХ**

Когда рядом с любым селением есть река, жители считают это величайшим благом и всегда готовы пользоваться им. Станица Гундоровская, на месте которой возник город Донец Ростовской области, до 1920 года была расположена по обеим берегам реки Северский Донец. На правом, высоком, покрытом холмами и степями, и левом, низменном, с лесами и ровными полями, с большими засыпанными песками пространствами. Но местные казаки ни на что не роптали и гордились тем, что благодаря своим далёким предкам они получили в довольствие своей станицы одну большую реку и несколько малых, позволяющих им кормиться и распоряжаться столь ценимой в южном краю водой.

О том, как протекала жизнь казаков, чему они радовались и о чём горевали, рассказывается в литературных заметках нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение.)

Начало — в газетах за 2023 год № 31, 35, 37, 40, 45, 47, 49).

Северский Донец всегда занимал в жизни обитателей хутора Швечикова станицы Гундоровской Области войска Донского очень важное место. Казаки ежедневно, словно о живом существе, справлялись друг у друга о его состоянии. Поднялась ли вода или, напротив, спала, обнажив прибрежные кручи, усилилось ли течение или замедлилось, дует ли ветер с устья или, напротив, с верховьев реки. От этого всего зависело многое! Сама жизнь казаков!

Её уклад был построен на том, что река всегда считалась кормилицей и отношение к ней было уважительное, почти благоговейное. Из года в год всё шло по заведённому с давних времён порядку. В предзимье о реке словно забывали. К её берегам почти не подходили. Незачем. Рыба ни на какую снасть не ловилась, и природа тихо готовилась к предстоящей зиме. Деревья дружно сбрасывали листву и оставались в своей коричневой нагоде. Только белотелые тополя да редкие берёзки выделялись на тёмном фоне. В веренице постоянно хмурых дней прибрежный лес, опустевшие берега, сама река, замедлявшая своё течение, и даже казачьи курени, разбросанные у подножья горы, воспринимались с нотками грусти по ушедшему лету и буйству красок в природе.

В первые сильные морозы по реке начинали проплывать образовавшиеся в речных верховьях крыги льда, к ним прирастали снеговые пласты, пропитанные водой, которые тут же смерзались между собой и, встретив любое препятствие на своём пути или узкое место на реке, останавливались, наползая друг на друга. С этих мест и начинался ледостав. В зависимости от того, какой крепости были первые ударившие морозы, он длился по-разному и затягивал ровные полыньи на стремнине до тех пор, пока ветер не начинал гонять снежную позёмку по ровной ледяной поверхности.

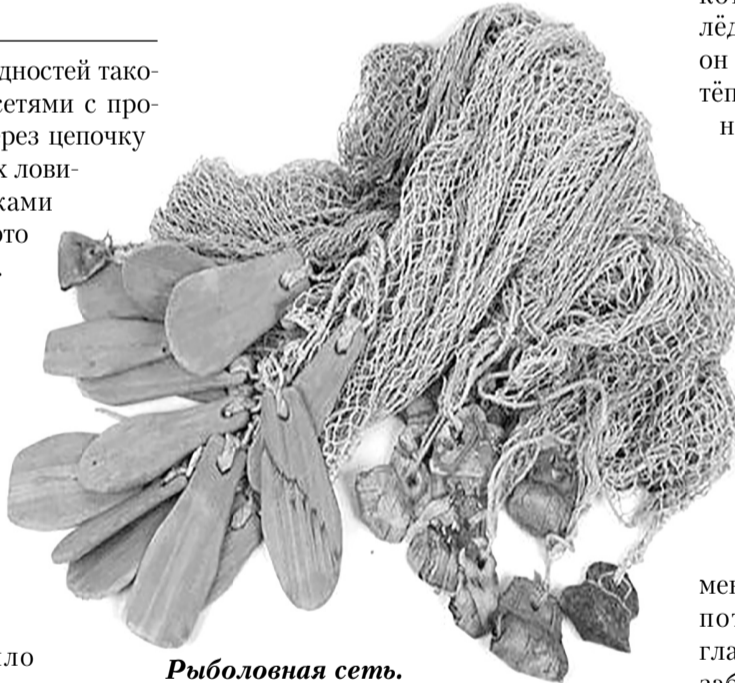
Всё! На Северский Донец пришла настоящая зима, а вместе ней — и долгожданная рыбалка. Сразу же посылались разведчики, чтобы проверить толщину льда по всей ширине реки и определить, когда можно будет заняться любимым подлёдным ловом

Речная рыба сом.

рыбы. Одной из разновидностей такого занятия была ловля сетями с пропусканьем их под лёд через цепочку лунок. В таких же лунках ловили рыбу зимними удочками на разные наживки. Но это считалось баловством. По первому, совсем ещё прозрачному льду наиболее смелые хуторяне осторожно расхаживали, всматриваясь под ноги, и глушили рыбу обухами топоров. Для такого промысла было всего пару дней, потом лёд набирал толщину и темнел, и через него уже ничего нельзя было рассмотреть.

Хорошо, если прочный ледостав случался до Рождества и новолетия, тогда и к праздничным столам припевала рыба. К тому же по времени и великое природное благо — сохранить её в морозы было очень легко. Хуторской атаман разводил на ровное расстояние рыболовецкие ватаги тех, кто занимался подлёдным ловом сетями, и следил, чтобы никто никому не мешал в этом промысле. В такие дни из окружной станицы прибывал смотритель рыбных ловель и, как он любил говорить, вносил свою лепту в дело контроля за сохранением рыбных богатств донского края. Все терпеливо ждали, когда он уедет вносить свою лепту в другие места, и затем на давно примеченных местах пробивали большие полыньи над ямами на речном дне и присту-

Рыболовная сеть.

пали уже к запрещённому промыслу — багрили в этих углублениях крупную залёгшую на зимовку рыбу. Тут только успевать нужно было!

На лёд шлепались кругляши карпов и туши сазанов с тёмными облепленными слизью спинами, широко разевали свои зубастые пасти едва очнувшиеся от зимней спячки сомы, и росли кучки с другой, более мелкой, но тоже желанной разнорыбницей. Каждому везло по-всякому. Один тащил добычу к себе на усадьбу на одном небольшом кукане, а другому впору было перевозить улов на санях с запряжённой лошастью. Ничего не поделаешь, рыбалка на то и рыбалка!

Атаман про это занятие своих хуторян, конечно, знал. Но вот незадача, ему нужно было срочно уехать

по делам в станичное правление, а когда он возвращался к вечеру, то уже никаких следов на реке не оставалось, и даже широкая полынья затягивалась льдом. Зато во всех почти куренях, где не ленились заняться рыбальством, кипела работа. Нужно было всё добытое рыбное свежее рассортировать, разделать, заморозить и опустить в подвалы на ледники до лучших времён, ну хотя бы до окончания рождественского поста. Были и такие семьи, которые отступали от его строгих правил и, как они говорили, «только для пробы» поглощали часть улова. Лукавили, конечно, но как было удержаться!

В конце января и в начале февраля добывался жирный рыбец, издавна называемый казаками холодным, который также извлекался из подлёдных сетей. На засолке и вялении он находился гораздо дольше, чем в тёплое время года, однако вкуса был необыкновенного. Солонцевали хуторяне тогда с превеликим удовольствием. А если хуторской лавочник Карапыш подвозил ещё и несколько бочек свежего пива, то тогда сразу забывалась изрядно надоевшая за многие месяцы пища.

Проходила зима, и на Северском Донце наступали дни большого половодья, а раз в пять-семь лет случался настоящий потоп.

Бурливая вода заполняла все пойменные луга, все ложбинки, которые потом превращались в озёрца, и, главное, шумные потоки промывали заболоченные перемычки между водоёмами на левом берегу реки. Более двадцати озёр числились по водной переписи за станицей Гундоровской, и что ни озеро, то лучшее место для весеннего пребывания любой рыбы. Пока шёл её нерест, даже в колокола не били в хуторах и станицах у Северского Донца! Река кормила казаков, а они, как могли, берегли её!

Весеннее время — самое раздольное для хуторских рыбаков. В ход шло всё, даже плетёные ивовые корзины без дна, которыми накрывали кишасую в прибрежных зарослях рыбу. Брали в руки вилы — хлебоборский инвентарь — и ходили по колено в воде, высматривая, где крупная рыба оставляла бурунчики в воде. То место и пронзали. Самые зоркие, так те по две рыбины за раз накальвали и победно поднимали над головами.